

Переступив порог комнаты, он резко захлопнул дверь.

Он поднял Жун Лоюня на кровать и начал снимать с него одежду. В помещении царил полумрак, лишь слабый свет проникал сквозь окна и двери. Жун Лоюнь, находясь в полусознательном состоянии, почувствовал, как чья-то большая ладонь прижалась к его телу, излучая тепло. Он едва мог открыть глаза, словно голодный человек, получивший дымящуюся лепёшку, или олень, нашедший тёплое убежище в зимнем лесу.

Хо Линьфэн, стоявший за его спиной, спросил:

— Кто я?

Жун Лоюнь пробормотал, пытаясь угодить:

— Мой брат... Ду Чжун.

Ладонь, Гасящая Жизнь, оставила на его теле ужасающий след. Глубокий красный, почти фиолетовый шрам, опухший и покрытый сетью кровеносных сосудов, выделялся на бледной коже Жун Лоюня. По обеим сторонам отпечатка ладони Хо Линьфэн приложил свои руки, направляя потоки тепла и энергии внутрь тела, чтобы бороться с мучительной болью.

Жун Лоюнь сидел, скрестив ноги, едва держась на месте, его волосы слегка касались тыльной стороны руки Хо Линьфэна. Чтобы отвлечься от боли, он заставил себя думать о чём-то другом.

Что бы с ним стало, если бы Хо Линьфэн не пришёл на помощь? В лучшем случае его бы ослепили и отпустили, в худшем — он бы погиб, как и предсказывал Чэнь Мянью, без места для погребения.

Он также подумал, что Хо Линьфэн должен был находиться в отпуске, как же он успел прийти на помощь? Кажется, кто-то упоминал, что тот был в Башне Чжаому, где услышал о его беде. Вспомнив об этом, он тихо спросил:

— Ты ходил в Башню Чжаому искать свою возлюбленную?

Хо Линьфэн, полностью сосредоточенный на своём деле, на мгновение задумался.

— А, да... — он напряг память, пытаясь вспомнить имя своей «возлюбленной», но, не сумев, решил солгать:

— Давно не видел её, соскучился.

Жун Лоюнь подумал про себя, что, подарив шёлковый веер, он нарушил романтическую атмосферу Хо Линьфэна.

Хо Линьфэн продолжал держать его за плечи, кожа под его ладонями постепенно нагревалась, покрываясь потом. Уже прошло время сумерек, солнце скрылось за горизонтом, птицы вернулись в свои гнёзда, не издавая ни звука, и в горах воцарилась тишина.

Он боялся, что Жун Лоюнь снова заговорит о романтике, и потому решил взять инициативу в свои руки:

— Господин, закрой глаза и поспи.

Жун Лоюнь послушно закрыл глаза, но, не имея возможности свернуться калачиком, лишь

поджал плечи. В полусне он вдруг почувствовал влажное тепло на спине. Он резко проснулся, ощущая, как шрам на спине становится горячим, словно его жгут угли, и из него начинает сочиться жидкость.

Хо Линьфэн сказал:

— Не бойся, это выходит застоявшаяся кровь, тебе станет легче.

Жун Лоюнь стиснул зубы, стараясь не закричать от боли. Кровь стекала по его позвоночнику до пояса, пропитывая единственные штаны, которые на нём остались. Он чувствовал себя униженным, но, опасаясь насмешек, решил сам признаться:

— Ду Чжун, мои штаны мокрые.

Тишина. Он предположил, что Хо Линьфэн смеётся над ним.

Но вместо этого Хо Линьфэн, немного помедлив, спросил:

— ...Ты не хочешь, чтобы я их постирал?

Убрать стол или подмести пол он ещё мог вынести, заправить кровать — тоже, но стирать одежду — это уже работа прачек, на которую он никогда не согласится. В комнате снова воцарилась тишина. Жун Лоюнь, не получив ответа, услышал шаги снаружи.

Их было много, быстрых и лёгких.

— Ду Чжун? — Жун Лоюнь срочно позвал его.

— Тихо. — Хо Линьфэн тоже услышал шаги.

Оба замерли, прислушиваясь, как звуки приближаются к Чаньскому двору. Внезапно дверь с грохотом встряхнулась.

Десяток голосов залаяли:

— Гав! Гав! Гав!

Хо Линьфэн не сдержался:

— Чёрт возьми... — это оказалась стая бродячих собак.

Обычно в Чаньском дворе никого не было, и собаки приходили сюда ночью, чтобы спать. Сейчас, почуяв людей, они лаяли без остановки. После этого абсурдного эпизода стая собак осталась снаружи, и так прошло время с вечера до глубокой ночи.

Четыре часа подряд Хо Линьфэн без перерыва лечил Жун Лоюня, снимая боль.

С вечера до раннего утра, казалось, он возвращал ему что-то важное.

Закончив, Хо Линьфэн спустился с кровати и зажёл свечу. Слабый свет вызвал новый виток лая снаружи. Жун Лоюнь, лежа на кровати, с ехидцей сказал:

— Ду Чжун, не шуми.

Хо Линьфэн нахмурился, вернулся к кровати, полный гнева, но не находя выхода. Перед ним лежала старая кровать с изношенным одеялом, окровавленная одежда Жун Лоюня была разбросана вокруг, а сам он, в белоснежной нижней рубашке, тяжело дышал от боли, но пристально смотрел на него.

Это был слабый больной котёнок, и неудивительно, что он принимал его за злобного пса.

Сев на край кровати, Хо Линьфэн начал вытирать кровь с его спины, не слишком аккуратно, оставляя следы на лопатках. Жун Лоюнь вскрикнул от боли:

— Полегче, ты делаешь мне больно.

Он действительно был изнежен. Хо Линьфэн фыркнул, но стал действовать мягче. Когда он добрался до поясницы, Жун Лоюнь заёрзал от щекотки. Хо Линьфэн отвернулся и резко сказал:

— Дай руку.

Левая рука Жун Лоюня была неподвижна, и он не мог её подать, поэтому лишь придвинулся ближе. В этот момент его хвост внезапно распустился, и волосы рассыпались по его груди и спине.

Он понюхал себя и спросил:

— Завтра помоешь мне волосы?

Хо Линьфэн не хотел этим заниматься:

— Они не грязные, даже пахнут приятно.

Жун Лоюнь сказал:

— Когда вернёмся во дворец, увеличу тебе жалование.

Хо Линьфэн усмехнулся:

— Деньги — это всего лишь внешнее.

Жун Лоюнь сдался, вздохнул и согласился:

— Перевяжи, я потерплю.

Его плечо охватила большая рука, и Хо Линьфэн, проверив, что кости целы, начал бинтовать руку. Жун Лоюнь тихо сказал:

— Если бы рука не была ранена, я бы сам справился, но теперь я бесполезен.

Этот жалкий вид, будь он искренним или притворным, заставил Хо Линьфэна сдаться.

— Завтра помою, и не надо увеличивать жалование. — Он уложил Жун Лоюня, накрыл одеялом и сказал:

— Господин, спи.

Жун Лоюнь спросил:

— А ты?

Хо Линьфэн сел на циновку на полу, прислонившись к кровати.

Жун Лоюнь подумал немного, пододвинулся ближе и накрыл себя половиной одеяла, а вторую половину протянул Хо Линьфэну. Он был измотан и, закрыв глаза, сразу уснул, не заметив, как Хо Линьфэн позже накрыл его полностью.

Раньше, во время войн, Хо Линьфэн спал в палатках без отопления в мороз и носил доспехи в жару. Такие неудобства были для него привычны.

Оба были измотаны: один — тяжёлыми ранениями, другой — потерей внутренней энергии. На рассвете стая собак ушла в горы, а они всё ещё спали.

Через некоторое время одеяло на кровати сдвинулось, и Жун Лоюнь высунул ногу.

Ощувив холодный воздух, он с удивлением открыл глаза. Перед ним были простой стол, глиняная миска, разбитое окно... Это была не Безымянная обитель, а Чаньский двор на вершине горы. Опустив взгляд, он увидел широкие плечи, длинную шею и густые чёрные волосы Хо Линьфэна, который спал, прислонившись к кровати.

В этот момент кто-то постучал в дверь, и Хо Линьфэн проснулся.

Маленький монах принёс две сменные монашеские одежды и книгу сутр, чтобы скоротать время. Хо Линьфэн поблагодарил его, потянулся и вернулся в комнату, снова сев на край кровати.

Прошло уже три часа, и он резко повернулся:

— Господин...

Он замер, увидев, как близко они находятся друг к другу. Глаза Жун Лоюня дрогнули, и он мог почти видеть своё отражение в глазах Хо Линьфэна. Он лежал на кровати, но казалось, что он опирался на его плечо.

Чётко видные ресницы, бледные от слабости губы — они смотрели друг на друга.

Жун Лоюнь незаметно сжал край одеяла и смущённо спросил:

— Что случилось?

Хо Линьфэн очнулся:

— С момента вчерашнего лечения прошло три часа, дай мне проверить твой пульс.

Он встал, взял Жун Лоюня за плечи, уложил его на спину, наклонился и, просунув руку под тёплое одеяло, приложил ладонь к его груди. Грубая кожа ладони касалась нежной кожи.

Сердцебиение учащалось, и Жун Лоюнь, раскинув руки по сторонам, казалось, слышал каждый удар.

Хо Линьфэн слегка надавил ладонью, и его палец наткнулся на что-то. Он поднял глаза на Жун Лоюня и с ехидцей спросил:

— Куда это я попал, а?

Жун Лоюнь напрягся, его тело стало жёстким, как от прикосновения раскалённого железа. Он отвернулся, уставившись на серую стену, его грудь горела, а лицо покраснело.

Закончив осмотр, Хо Линьфэн убрал руку. Основная опасность миновала, но для полного выздоровления потребуется время. Он спокойно развернулся и вышел, чтобы принести воды из старого источника за Чаньским двором. Накануне он обещал помочь Жун Лоюню умыться и помыть волосы.

Как только он принял на себя роль слуги, работа пошла легко.

Хо Линьфэн нагрел воду, занёс её в комнату, намочил полотенце и поставил маленькую скамейку у ведра. Жун Лоюнь с трудом слез с кровати, дождался, пока Хо Линьфэн выйдет, снял одежду и начал умываться, черпая воду правой рукой.

Медленно, одной рукой.

Хо Линьфэн стоял снаружи, спиной к двери. Дерево хоть и спокойно, но ветер не даёт покоя. Он хотел оставаться спокойным, но звуки воды внутри не позволяли.

<http://bllate.org/book/16167/1449225>